

Культура. — 1999. — 29 июля — 4 авг. — с. 10

Романтик Виолончели

Две жизни Александра Князева

Александр КНЯЗЕВ — одна из самых ярких и романтических фигур в российском музыкальном мире. По глубине и эмоциональности игры ему трудно найти равных.

Биография Александра Князева изначально складывалась неординарно. Вырос не в музыкальной семье. Но еще школьником добился таких успехов, что был отправлен на Конкурс имени Чайковского и стал самым юным лауреатом. Потом — много престижных международных конкурсов, победы.

Пять лет назад в зените славы во время гастролей попал в автомобильную катастрофу неподалеку от Претории в Южной Африке. Погибла его молодая жена, прекрасная пианистка Катя Воскресенская. Он пережил жестокую личную трагедию, находился между жизнью и смертью. К тридцати пяти годам сыграл весь классический виолончельный репертуар, сделал переложения произведений для скрипки, среди которых и знаменитая скрипичная «Чакона» Баха. Великолепно играет на органе. Преподает в консерватории.

Он очень упрямый, Александр Князев. Недаром по гороскопу — Телец. Пятилетним мальчиком, уже играя кое-какие пьесы на рояле, сам отправился в музыкальное училище и попросил его прослушать.

— Там сидела пожилая преподавательница, — рассказывает Александр. — Она послушала и сказала: это непрофессионально. Я честно говоря, обиделся, потому что мне казалось, я уже кое-что умею. Но больше всего приговору старой преподавательницы потряс моих родителей. Как может пятилетний ребенок быть профессионалом? Только через год, гуляя с отцом по Москве, мы зашли в Школу имени Гнесиных и решили еще раз испытать судьбу.

Экзамен длился три минуты. Саша пытался импровизировать что-то в стиле «Лунной сонаты». Ни у кого не было сомнений — абсолютный слух, одаренность. Его зачислили, несмотря на то, что шел ноябрь и учебный год давно начался. Правда, предупредили, что в классе фортепиано мест нет, придется попробовать пока на виолончели... Четырнадцатилетним, он решил принять участие в прослушивании на международный конкурс. Его отговаривали — дескать, напрасная трата времени, дети до шестнадцати лет на такие конкурсы не допускаются. Он, как говорится, «уперся»: Телец все-таки. Во время прослушивания всем было ясно, что Саша играет глубже и интереснее конкурента. Но конкуренту тридцать, и ему отдали предпочтение.

1994 год. Жизнь его раскололась на две части. И не сразу они соединились, не сразу появился мостик, по которому он сделал первые шаги, поднявшись с болевой постели.

Придя в себя, какое-то время он

Фото Э. ЛЕВИНА

не мог и не хотел слышать музыку, играть. Была уничтожена какая-то часть его самого. Возможно, гармония их дуэта была слишком совершенной, они поднялись в такие выси, которые Булгаков называл «губельными»...

Потом музыка вернулась. И в интерпретациях Князева появилась почти мистическая глубина...

— Часто ли меняется ваш взгляд на уже сыгранную вещь и возникает желание исполнить ее по-другому? Случались ли с вами во время концертов странные, трудно объяснимые вещи?

— У меня есть какое-то особое видение сюит Баха. Оно меняется в процессе жизни. Это не только основа основ виолончельного репертуара, это Космос, в который каждый музыкант пытается проникнуть по-своему и к которому можно идти всю жизнь и все равно не приблизиться. Скажем, я записал их всего три года назад, а теперь играю совсем иначе...

Музыка Баха не только безумно красива. Когда смотришь, как сделаны ноты «Искусства фуги», — это же сложнейшая математическая задача. Зеркальные фуги, например, — это чудо невероятное, высшее выражение интеллекта в музыке. Я мечтаю сыграть их в этом сезоне на органе, но не знаю, хватит ли сил. Это безумно трудно. А что касается странного и необычного, как раз недавно, когда я играл сюиты Баха, что-то в этом роде произошло, закружилась голова...

Кстати, искушенные московские слушатели покидали Малый зал консерватории после сюит Баха в исполнении Князева в состоянии транса. Как выяснилось потом, у многих повысилась температура...

Однако это наше дилетантское восприятие. А каково мнение об Александре Князеве профессионалов, его коллег?

— Сашу Князева часто называют романтиком виолончели, — говорит заслуженный артист России Сер-

гей Судзиловский, — у него есть своя аудитория, свои поклонники, которые не пропускают ни одного его концерта. Кстати, он может отменить концерт, если не чувствует его в это день. Такое случалось со Святославом Рихтером. Если он не чувствовал музыку, которую предстояло играть, то не выходил на сцену.

— Саша, у вас случались неудачные или «провальные» концерты?

— Я с большим подозрением отношусь к музыкантам, о которых говорят, что они всегда играют абсолютно стабильно. Вдохновение не приходит по расписанию в семь тридцать. Был такой великий русский пианист Софроницкий. Он мог выйти на сцену, сыграть отвратительно и уйти. И зал ждал, пока он вернется. Он возвращался, снова играл отвратительно и уходил. И весь зал снова ждал его. А в третий раз он играл совершенно гениально. Да, неровный музыкант, но он мог сыграть две ноты так, что это запомнилось на всю жизнь. А есть музыканты, которые играют хорошо, добросовестно, но им никогда не сыграть этих двух нот. Взлет и падения для талантливого музыканта — это нормально.

— Часто ли вам приходится играть с «чистого листа», то есть произведения, которые вы никогда не слышали в чьем-либо исполнении?

— Поскольку я почти всегда играю музыку только классиков, то редко. Но вот недавно репетировал «Струну» Канчели. Записей этого произведения у меня не было. И это очень интригующе. Смотрел ноты и поначалу ощущал себя в темноте. Фантазировал, что-то пытался понять. Недавно, наконец, сыграл «Струну» в Екатеринбурге. Очень красивая музыка.

— Пытались понять интеллект или чувство? У вас слава чувственного, эмоционального музыканта.

— Все происходит в подсознании, и никогда не знаешь, куда тебя выведет. Когда интеллект и эмоции находятся в хорошем балансе, это и приводит к прекрасным результатам. Как правило, на большую сцену приходят только те музыканты, которым есть что сказать...

— Есть ли у вас какая-то своя жизненная философия?

— Следовать своим желаниям, интуиции, вкусу. Меня не волнует общественное мнение. Я знаю, как оно создается. Слово «репутация» имеет для меня значение, если речь идет о профессионализме.

— Наверное, натерпелись от «папарацци»?

— Вокруг меня ходило немало невероятных историй, в которых и процента правды не было. Сплетни, слухи, основанные на лжи, — люди, к сожалению, любят такие вещи. Но это их проблемы. У меня не так много друзей, зато это люди, которые мне по-настоящему интересны. На так называемые тусовки — само это слово мне отвратительно — не хожу.

...Недавно Александр Князев начал преподавать в Московской консерватории. Попасть в его класс считается большой честью. Правда, планка его требований высока, не все выдерживают. Во всем, что касается творчества, Александр Александрович Князев — максималист.

— Александр, что дает вам преподавательская деятельность?

— Не деньги, конечно. В России музыканты сегодня нищенствуют. За рубежом один мой частный урок стоит раз в десять больше, чем здесь. Главное — удовлетворение, которое получаешь от работы с талантливейшей молодежью. Когда видишь, как твоими руками вырастает музыкант. У меня немного учеников, потому что слишком занят. Было пять, сейчас осталось четверо. Одно выгнал. За что? Пропустил несколько занятий. У меня очень жесткие правила — не-

явка на занятие возможна только по очень уважительной причине. Я очень ценю свое время и время других.

— Традиции русской музыкальной школы на Западе ценятся очень высоко, почти все великие инструменталисты — выходцы из нашей страны.

— Невероятная эмоциональная глубина прочтения свойственна русской исполнительской школе. Но поскольку многие музыканты вынуждены были уехать, то сейчас там созданы как бы «филиалы» нашей школы. Например, появилось много немецких великолепных виолончелистов. А почему? В Германию уехали четыре прекрасных русских профессора. Впрочем, правда в том, что есть только две школы — плохая и хорошая.

— Вы были учеником Ростроповича?

— Нет, когда он уехал из России, мне было всего тринадцать лет. Однако это был мой кумир, я покупал все диски с его записями. Так что в каком-то смысле я тоже его ученик. Для меня было большой честью, когда он предложил мне сыграть с ним на фестивале в Петербурге, где он дирижировал. И вообще я очень благодарен этому человеку, который принял большое участие в моей судьбе.

— Говорят, что Ростропович когда-то играл на вашей виолончели. Об этой темно-вишневой красавице ходят легенды. Звучит она потрясающе. Расскажите немножко о ней...

— Это знаменитый инструмент работы Карло Бергонци, лучшего ученика Страдивари. Ростропович не играл на ней. Когда-то на этой виолончели играл знаменитый Пяттисковский, который после революции уехал за границу, потом — столь же знаменитый Кнушевицкий. Вот уже одиннадцать лет она у меня.

— Известно, что она тоже пострадала в катастрофе. Сказалось ли это на ее звучании?

— После аварии ее реставрировал знаменитый французский мастер Ватло. Когда я забрал ее в Париже и попробовал играть, звук был ужасный. Мастер заверил, что она постепенно вернется к жизни, не надо торопиться. И представьте, примерно через девять месяцев она действительно стала прежней, словно родилась заново. А сейчас звучит просто фантастически. Мы слишком много пережили вместе с ней и теперь не расстаемся, этот инструмент стал частью меня...

Конечно, поклонников интересует, каков Александр Князев в быту. Так вот быта у него нет. То репетиции, то концерты, то гастролы. Стены заклеены афишами. На старом фортепиано и над ним — портреты Кати.

Он любит хороший чай, а по большим праздникам — дорогое выдержанное виски и армянский коньяк. Но праздники, по его мнению, — это не для людей, которые хотят успеть сделать что-то серьезное в искусстве.

Беседу вела
Татьяна ХАРЛАМОВА